

Теория гражданского общества: миф или реальность? (постановка проблемы)

Н.В. Асонов

Если подходить к изучению теории гражданского общества с позиций политической науки, то в первую очередь надо отталкиваться от специфики самой политики как главной и наиболее активной сферы общественных отношений. Важнейшей спецификой политики всегда был ее инклюзивный характер, выражающийся в стремлении субъектов властных отношений прямо или косвенно влиять на окружающую их социокультурную среду, подчиняя ее своей воле.

Следовательно, тем же инклюзивным характером обладает политическая власть как центральная категория политики. Поэтому все, что связано с удержанием и захватом власти или сотрудничеством с ней, не просто относится к сфере политических интересов, а работает на подчинение этим интересам всех сфер общественной жизни, лишая общество права самостоятельно, т.е. независимо от сложившейся политической конъюнктуры решать стоящие перед ним социальные задачи. В свою очередь, через социальные сферы в данный процесс борьбы по поводу политической власти вовлекаются все группы населения и структурные подразделения государства и общества, независимо от того, хотят они этого или не хотят.

Но если в прошлом подобное вовлечение носило фрагментарный и относительно поверхностный характер и происходило без радикальной смены уклада социально-политических отношений, носящих, скажем, локальный характер (как это имело место в Российской империи по отношению к коренным народам Сибири, Кавказа или Средней Азии), то в современных условиях положение резко изменилось. Теперь любая господствующая политическая сила, ориентируясь на систему норм, разработанных в контексте «универсальных» стандартов, подгоняет под них всех, на кого распространяется ее власть, невзирая на уровень исторического развития или религиозно-культурные особенности конкретных групп населения. Соответственно, аналогичные меры противодействия подобному давлению принимаются политической властью в тех странах, которые не желают следовать западным стандартам демократического устройства государства и общества, справедливо оценивая это как форму политической агрессии, направленной на разрушение их традиционного образа жизни с целью подчинения чужой воле.

Вот почему данная деятельность по поводу власти сегодня осуществляется на целом ряде уровней. Это местный, государственный, региональный, охватывающий ряд стран, и, наконец, глобальный, в рамках которого решаются планы мирового политического господства. Но какой бы уровень мы ни взяли, его ценностно-целевой основой всегда выступает та или иная теория, то есть учение о государстве, власти, обществе и человеке. В свою очередь, мировоззренческую основу любой теории, вписанной в рамки властных отношений, составляет идеологическая среда. Ее функция заключается в том, чтобы убедить колеблющуюся в политическом выборе часть общества в справедливости того социально-политического пути, который принят конкретным участником властных отношений как единственно верный.

Вот почему идеология, в рамках которой возникает любая политическая теория, в том числе теория гражданского общества, как некая идеальная модель будущего социально-политического устройства, основанного на демократических принципах управления, выступает с точки зрения политической науки сразу в двух своих качествах. С одной стороны, идеология оказывается важным элементом политической системы общества, с другой стороны, она приобретает значение ресурса власти, который наряду с утилитарными, нормативно-правовыми и силовыми группами аналогичных ресурсов работает на реализацию интересов и потребностей своих политических заказчиков.

Действуя через систему прямых и обратных связей, идеология ставит в подчиненное положение всю социокультурную среду, в которую в качестве составных частей вписаны наука и образование. Подобное их подчинение идеологии не позволяет не только проводить объективный научный анализ действующей политической власти, то есть выделять и анализировать наряду с ее достоинствами ее недостатки, но и осуществлять свободное от политического диктата образование. Ведь в том и другом случае ослабляется доверие общества к своим избранникам и провоцируется поиск более достойных кандидатов во властные структуры из числа оппозиционных сил. Это, в свою очередь, ведет к перераспределению властных полномочий в политике и к переходу финансово-экономической сферы под контроль совершенно других сил, заинтересованных в публичном обличении своих предшественников как несостоятельных политиков и слабых экономистов со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями.

По этой причине, опираясь на авторитет науки и образования как «независимых» от властных интересов социальных организаций, господствующая политическая сила проводит нужный ей идеологический курс, направленный на удержание своего и только своего права монопольно управлять всеми сферами общественно-политической жизни. Но делает это господствующая политическая сила не сама, а опосредованно, прибегая к помощи зависимого от нее руководящего состава научно-педагогических кадров. Им же она предоставляет право якобы научного объяснения и рекламы нужной ей политической теории. В нашем случае это теория гражданского общества.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться всего лишь к некоторым приемам научного анализа. В первую очередь стоит вспомнить историю появления теории гражданского общества в ее современной политической интерпре-

тации. Эта интерпретация, вычеркнув первоначальный смысл гражданского общества, вписанный со времен Платона в систему ценностей авторитарной модели управления как наиболее совершенной, самым тесным образом оказалась связана с разработкой теории модернизации, которая изначально носила явно выраженный идеологический характер. Во-первых, надо было найти убедительную альтернативу теории коммунистического общества, получившей широкую популярность к середине XX в. и создавшей реальную угрозу всему капиталистическому миру. Во-вторых, новая теория должна была оправдать стремление США к мировой экспансии через навязывание своих социально-политических стереотипов как истинных.

Базовой опорой теории гражданского общества, как и теории модернизации, стал принцип европоцентризма. Он выразился в идеализации западной романо-германской цивилизации, особенно ее последних четырехсот лет существования, когда дух протестантизма позволил разрушить принципы авторитарной христианской государственности и породил атеистическое мышление, взявшее под защиту республиканско-демократическую модель управления. Одним из его ведущих направлений стало учение либерализма, получившее свое оригинальное воплощение в США. Другой опорой данной теории было научно не доказанное методологическое допущение, признающее универсальный характер развития всех стран, позволившее поделить их на «ядро» во главе с США и «периферию» без всякого разбора их цивилизационных специфик.

На теорию гражданского общества помимо теории модернизации стала работать теория технологического детерминизма и созданная в это же время теория индустриального общества, также нашедшая, как мы это знаем, свое отражение в социальной теории институциональных матриц. Когда теория гражданского общества наряду с теорией модернизации с конца 1960-х гг. стала переживать свой первый серьезный кризис, западные аналитики ввели для стран «ядра» новое обозначение — «Y». Соответственно, все прочие государства попали в категорию «X». Заодно матричная теория позаимствовала у своей предшественницы идею «примирения» как формы мирного сосуществования различных общественных страт, включенных в гражданское общество на основе признания приоритета не только прав человека над законами государства, но и ограничения абсолютной свободы личности двумя категорическими принципами: «Разрешено все, что не запрещено» и «Свобода каждого кончается там, где нарушается свобода других». Эти же принципы должны лечь в основу и взаимоотношений глобального уровня между «западниками» (выражающими интересы Y-матрицы) и «самобытниками» (представляющими X-матричные государства) как рецепт поддержания социальной «стабильности» и условие партнерского диалога двух миров. Эта стабильность должна стать гарантом общего прогресса на всех уровнях политических отношений.

Между тем практика реализации политических интересов доказала совершенно обратное. Запад не только не собирался мирно сосуществовать со странами иной политической системы, но, как выразился А.А. Зиновьев, всегда рассматривал себя в качестве «мирового престола». Максимум, на что можно

было здесь рассчитывать, это «оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие нам может позволить сам единственный и неповторимый Запад»¹. Уничтожение последней национальной модели организации управления в нашей стране в виде Советской власти и утверждение западной парламентской схемы управления стало тому убедительным примером.

Кроме того, если мы настроены интерпретировать теорию гражданского общества с научных позиций, т. е. как к один из подходов к осмыслению перспектив общественного развития, идущего в кильватере более древней теории социального хилязма, нам следует взглянуть на гражданское общество с позиций научного критицизма. Для этого полезно использовать представление о мировом сообществе как о множественном переплетении социальных институтов (в нашем случае это различные виды социальных систем и их структурных элементов). В этом переплетении, также имеющем процессуальный характер, есть две оси ориентации, наложение одной на другую дает исследователю набор из четырех основных функций системы.

Эти функции ложатся на специфику каждой из цивилизаций, помогая проследить работу и взаимосвязь экономической, политической, социальной и духовной подсистем, характерных для них. Тогда мы сумеем не только обозначить критерии и выделить общие и особенные черты цивилизаций, указать их достоинства и недостатки, но и понять, что перспективы их дальнейшего развития никак не связаны с теорией гражданского общества и даже противоречат ей. Именно эта их противоположность и даже откровенная враждебность теории гражданского общества сделали востребованной теорию традиционных обществ как тупиковой линии развития, синонимичной X-матричным государствам, внедренной без всякого учета их цивилизационных особенностей.

Теперь посмотрим на теорию гражданского общества с точки зрения ее понимания в широком и узком смысле слова. В широком смысле гражданское общество включает в себя все, что непосредственно не охватывает государство и его структурные элементы, и потому представляет собой автономную по отношению к государству и непосредственно независимую от него сферу социальных отношений и институтов. Но мы уже выяснили, что политическая сфера связана с борьбой за власть и потому носит инклюзивный характер, подчиняющийся воле господствующей политической силы все и вся. На решение этой задачи работают ресурсы власти и соответствующие звенья политической системы общества, не позволяющие осуществить перераспределение властных полномочий в пользу реальной оппозиции, исповедующей принципиально иную систему ценностей и целей, даже если они лучше. Именно по этой причине действующая политическая власть во главе силовых структур, а заодно науки и образования всегда будет держать только своих людей, а не представителей реальной оппозиции, как бы умны и честны они ни были.

В узком смысле слова гражданское общество тесным образом связано с правовым государством, наличие которого подтверждает Раздел первый последней Конституции России. В ее Первой главе Статья 1 прямо указывает, что

¹ Зиновьев А.А. 2007. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо. С. 20.

«Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления»². Здесь гражданское общество выступает как некое многообразие не опосредованных государством взаимоотношений свободных и равноправных индивидов в условиях рынка и демократической правовой государственности. Это сфера свободной игры частных интересов и духа индивидуализма, формирующаяся спонтанно снизу как результат раскрепощения индивидов и их превращения из подданных государства в свободных граждан-собственников. Из этого следует, что господствующая политическая сила уже сегодня решила постепенно отказаться от тотального контроля за направлением умов и вывести из-под своего наблюдения значительную часть общества, совершенно не беспокоясь о направлении его социально-политического поиска. Однако российский и зарубежный опыт говорит совершенно о другом. Везде приветствуется только управляемая оппозиция, сотрудничающая с властью. Любое же усиление реальной конструктивной оппозиции преследуется всеми доступными способами.

В правовом государстве, как известно, существует верховенство закона. Но тогда возникает вопрос: кто пишет законы? Законы, согласно политической науке, пишет сама господствующая политическая сила, преследуя все ту же главную цель — удержать себя на политическом Олимпе и не допустить туда своих конкурентов из оппозиционных сил. Против них и тех, кто может за ними пойти, направлена вся сила законодательной сферы, которая наряду с идеологической подсистемой не только является важным элементом политической системы общества, но и входит в набор ключевых ресурсов власти, а не общества, тем более гражданского общества.

Следующий момент касается наличия свободной игры частных интересов. Нетрудно заметить, что здесь происходит та же подмена, что и с правовой сферой. Все мы помним события конца 1980-х – начала 1990-х гг. Все ключевые направления в экономике были отданы действующей властью своим людям, то есть тем, кто был ориентирован на американский путь развития и максимальное ослабление России как суверенного государства, способного выстраивать свой вектор социально-политического развития, отличный от западной модели. Переход экономической сферы под контроль лиц, ориентированных на возрождение России как центра славяно-православной цивилизации, был новым российским западникам крайне не выгоден, и Запад сделал все, чтобы такие люди были отстранены от влияния на экономику нашей страны.

Таким образом, сращивание политической и экономической сфер, их взаимопроникновение и отождествление в образах конкретных лиц, преследующих конкретные властные интересы, конечная цель которых сводится к установлению мирового господства на глобальном уровне, также не позволяет говорить о возможности осуществления свободной конкуренции. Побеждать здесь всегда будет та экономическая структура, которую поддерживает господствующая политическая сила. Вот почему и здесь залогом серьезного экономического успеха всегда будет оставаться сотрудничество с политической властью.

² Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Герб Российской Федерации. Флаг Российской Федерации. 2010. М.: «Омега-Л».

И в заключение еще несколько замечаний, указывающих на теорию гражданского общества как на идеологический инструмент, направленный своим острием на борьбу с реальной оппозицией и позволяющий получить лояльность общества к действующей власти, взявшей курс на укрепление своего политического и экономического господства, реализуемого в контексте теории мондиализма.

Зададимся вопросом: что отличает политический анализ и прогнозирование от политической идеологии и рекламы? Понимание того, что нет (и не может быть) идеальных обществ в силу того, что сам человек не совершенен. В построении такого социально-политического идеала всегда неизбежны отклонения, и куда они нас приведут и какую предложат новую модель общественной организации — предположить пока трудно. Но то, что это будет совершенно другое общество, сомневаться не приходится. Существуют объективные законы бытия, действию которых подвержены все сферы нашей жизни. Согласно этим законам, все, что имеет начало, неизбежно имеет свой конец. Любое государство и общество, даже если оно гражданское, пережив момент своего зарождения, затем период становления и расцвета, обязательно должно войти в полосу своего упадка и дискредитации, что соответствует естественному процессу старения, за которым должна последовать неотвратимая гибель данной социальной организации. Но что мы видим в теории? Она рисует нам только вечный расцвет гражданского общества, постоянно идущего от лучшего к наилучшему.

Однако хотелось бы узнать методику перехода из нашего несовершенного мира в земной рай социальной гармонии, отменяющий все законы политической жизни. Ведь этот переход не раскрыт политическими идеологами и потому не выставляется на широкое обсуждение в силу своей теоретической непроработанности. И неслучайно, когда создавалась Конституция 1993 г., новая власть предпочла уйти от широкого научного обсуждения будущего пути развития нашей страны, утвердив ту модель социально-политического устройства, в которой мы не жили, которую мы не знали и которую сами выбрать никак не могли. За нас ее выбрал всемогущий Запад, навязал ее нам через новую российскую власть и новой нормой права обязал ее соблюдать. А как же быть со свободой нашего народного волеизъявления как одним из главных элементов гражданского общества?

Список используемых источников

1. *Зиновьев А.А.* 2007. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо. С. 20.
2. Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Герб Российской Федерации. Флаг Российской Федерации. 2010. М.: «Омега-Л».